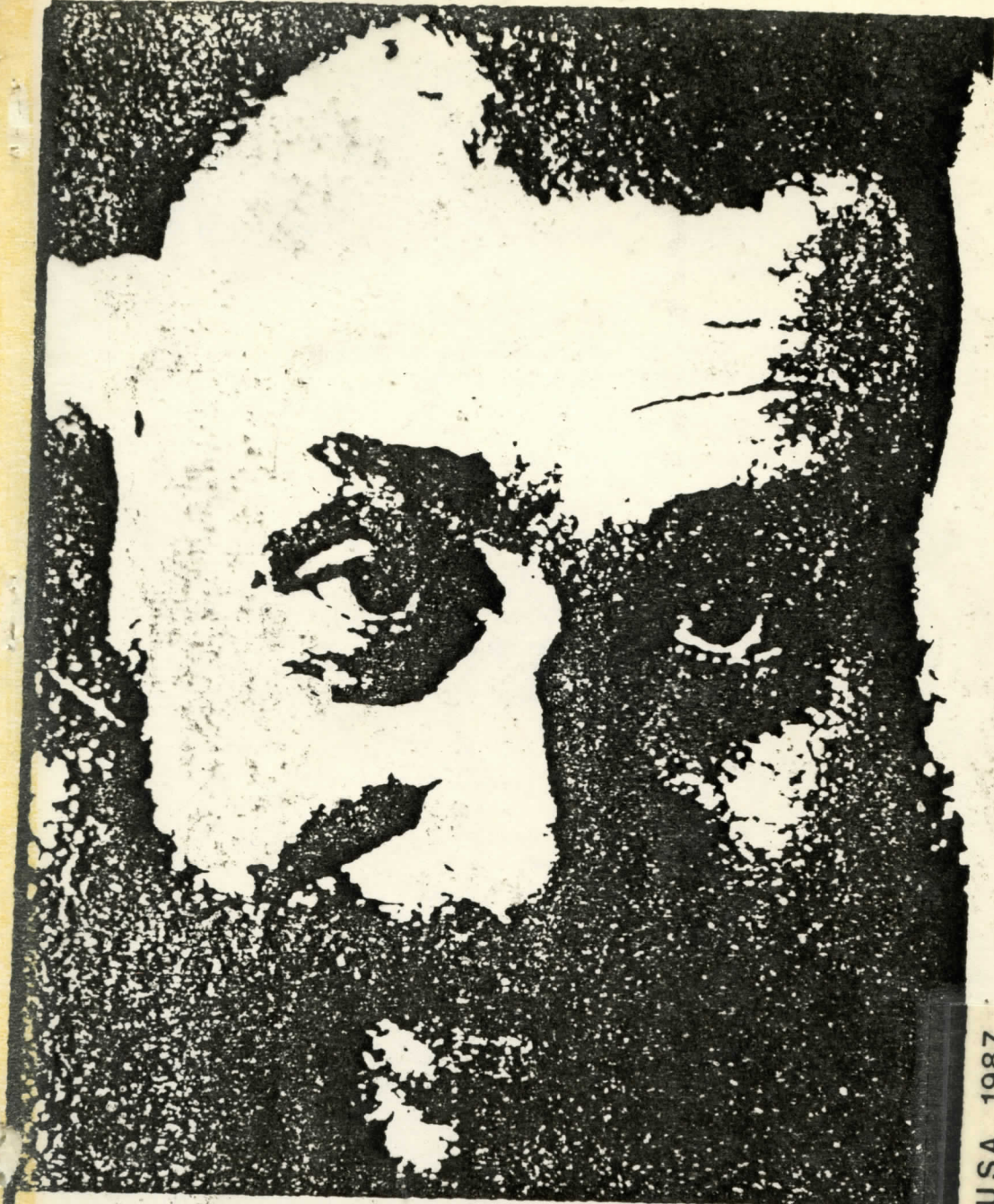

К. Кузьминский

USA - 1987

ГЛАВА О СИФИЛИСЕ КАБАЦКОМ

В кабаке на заблёванных досках лежит потаскуха,
заголивши паскудно подол, тряпку грязную ткнув промеж ног.
По лицу её бродит небритая пьяная муха.
Лился свет в слюдяное окно...

Ах, кабак, полуштоф, цаловальник - вонючая цаца!
Нынче деньги звенят, завтра снова кукуй с лебеды.
Молча нынче любимый на досках венчает на царство -
ночью дохтур придёт из немецкой Кукуй-слободы.

В чёрном дохтур придёт и глаза побелеют от страха,
и как кочет, отскочит мужик от тебя,
заголяет подол тебе пьяная царская стража,
и подъячий стоит в стороне, бородёнку свою беребя.

Ты мычишь на полу и, колени раздвинув ногою,
с грязным шприцем в руках, там где сладко падалью пахнет,
наклоняется доктор над потаскухой нагой
и рука погружается в пах

Нет! Стонет и бьётся девица о доски,
стынет кровь от воя её,
опалённая пламенем адским,
оплатив наслажденье твоё.

НОЧЬ НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

возьми в зубы язык повешенного
и на вечерней заре
когда ведьмы ведало в котле помешивают
прилетай к Лысой горе

чур меня, нечистая сила!

воплъ удавленниц по полю стелется
черные тела саваном заслонят небеса
когда корова черным бычком отелится
прилетай и не бойся

чур меня

жабы с грудями женскими голосами поют осиплыми
сыплют кал младенцев в черный котел
варится варево и дрова трещат осиновые
и блудят вилокие с черным котом

чур меня

змеи сплетутся плюя своим ядом в варево
вьются старухи их руки вокруг котла
одноглазые мыши летят кутерьмой в варево
черные буки набухшие кровью куделью кадят

чур меня

ночью на Лысой горе угорая подпрыгивают
возле костра где страх пополам с ядовитой травой
в желтом болоте жабы ногами подрыгивают
нетопырь в купырях заунывный заводит вой

чур меня

варится варево кровью нечистой окрашенное
валят в него черных могильных жуков и пожухлую плоть
черви оплачут и пламя оплавит оранжевое
похоть утопленниц топчущих зачатый плод

чур меня

варится чрево червями изъеденной девственницы
желтые зубы оскалит череп на мертвом лице
когда месяц бесцветный с небес оглядев, сдвинется
и петух пропоет о конце

чур меня

когда калом и кровью наполненный котел опрокинется
желтые жабы примут подобье камней
когда сук суковатый рукою отсохшей прикинется -
ты прилетишь ко мне

чур меня!

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ 1770-аго ГОДА

колесниц вавилонских вольтером измышленных орды
когда снится на шее румянцева-графа фельдмаршальский орден
когда спицы с серпами под корень срезают неверных
на равнинах исполненных крови и пролитой скверны
как каверны зияют следы неприятельских ядер
и войска пруссаков переходят разлившийся одер
на одре своих дум задремавший пустынный фернейский
смотрят бюсты глазами пустыми на остров форесский
кифаредом воспетый истоптанный берег эллады
где зарыт агамемнон в глазах его каменных клады
словно пена небес облака над пустыней кровавы
слово пелопонесс и спартанцев сухие когорты
там где руки раскинув упал на камнях миссалонги
тот оболганный лживым кивком головы ипсиланти
на высоком колу у ворот развалившейся трои
эти трое голов отсеченных от шеи атрея
и проливом леандр проплывает там ждет его шлиман
и роняет цветы олеандр осыпая лигийские шлемы
и летят колесницы библейских полков соломона
и несмело прижмется зюлейка к груди сулеймана
там где запад восток восстает затмевая акрополь
древний город олега и ольги мой константинополь
и стремятся к нему черны воды евксинского понта
и лежит на тахте отдыхая от подвигов порта

1. Виктору Гейдаровичу Шир-Али Задэ.

Шир! Читаю тебя. В первую голову. Очень трудно читать тебя. Забываю интонацию. Она НЕ УКАЗАНА. Я тебе говорил. Поэзия последних двух тысячелетий зиждится на бумаге. Я читаю Есенина. Говорят, он хорошо читал. НЕ ЗНАЮ. Писал он плохо. За окном шумит австрийская метель. Без разницы. Такая же метель в поэме, "Томь". Дело не в языке. Томский или венский диалект равно прекрасны. И хрен австрийский русского хрена не слаще. Сейчас отведал с похмелья. Вопрос в интонировке. Вчера читал ТВОИ стихи графиням Разумовским. Доказывал, что ты аристократ. Эстет. Кто же еще? Твои стихи прекрасны. Но трудно их читать. "Цейтнотик, виражер" — я помню, КАК ты произносишь, но где-то я уже забыл. И ты мне не поможешь. Ибо пришел ты к совершенству ИНДИВИДУАЛЬНОМУ. А передать его нельзя. Твои стихи молчат. Ты не смеешь останавливаться. Покамест не найдешь фиксации своей гармонии. На бумаге. Иначе — жил и работал ты впустую. Прости мне менторский тон. Ибо — люблю. Тож говорил тебе при записи. Ведь ты умрешь. И вместе со стихами. А я хочу, чтоб жил. Не во мне, а во вне. Ширушка, тебе лишь 30 лет. Что из того, что все они потрачены впустую? Ведь и у Миши не запишешься навечно. Пиши навечно из бумзге. Уже "Стансы к Августе", вещь компромиссная с Кри-Куприяновым, надежнее "Декабрей". А жалко. "Декабри" люблю. ХОЧУ, ЧТОБ БЫЛ БЕССМЕРТЕН НА БУМАГЕ. Еще не поздно, Ширали. Учись. Я Боре говорил об конструктивистах. Чичерине, купно Сельвинском. Но Боря взял Сельвинского издания "Библиотеки", и радостно сказал: "Плохой поэт". Естественно. Из шестисот страниц там 50 страниц конструктивиста, и те печатаны не тем изыском поиском изяществом. Чичерина же "с тех пор не издают". Они искали способов фиксации интонировки. Пускай фонемами. Других пока не знаю. Кривулькин подарил. Совписовский трактат о звуке. С цитатами Чичерина. А мне довольно. Абы образцы были.

Ширушка, милый! Хочу, чтоб ты был. Еще не поздно, товарищ капитан. Еще успеешь зафиксировать. Иначе пропадешь. Отсюда мне виднее. А не имеешь права пропадать, проклятая "элита". Как ты теряешь в чтении! Ведь ты же чуть ли не лучший поэт в Ленинграде. Во всяком случае, самый "поэтический". Недаром бабы любят. Надо, чтоб и мужики. Гармония сложна. Стихи должны звучать. Не с голоса, а с буквы. Я говорил тебе, ЧТО у нас в распоряжении Немного. А надо сделать — все. Ну как тебя читать, когда тебя не слышно? Я мучаюсь, люблю. Доказываю всем. А ты мне не помощник. Обидно, Шир. Переходи на прозу. Она сильнее стихов. Недаром Пушкин, Гоголь, Бельгий перешли. Я сам перехожу. Полгода — ни стиха. Зато какая проза! Кайфу, ворожу. Витинька, самое страшное, что в стихах мы идем на компромисс с классицизмом. Кривулин уж давно. Издетства. Ты же нет. Ведь вряд ли кто гэк понимает твою любовь к Андрею. Я сам любил. Теперь уж не люблю.

Съел огурец. Солёный. Их здесь есть. Лучшее свидетельство интернациональности поэзии. Закусывают тем же. Поэтов же здесь нет. Читать здесь не умеют. Один прозаик Иванчяну, румын, но пишет по-немецки. Он мне понятен, нивизируя на язык. Я тоже так пишу. Все прочие — морковка. Красивые, но есть нельзя. Невкусно. А вкусно — холодильник, огурец. Все как в России. И пиво дёшево, дадут. Хотя в жестянках. И очень дорого. Дороже огурца. Здесь трудно. Здесь трудней. Поэтам — тоже. Никто не слушает. Но можно здесь писать. Особо — прозу. Можно и стихи. За них не платят, не читают, но не выжуют тоже. Поэтому поэты ни к чему. А я — увя! — поэт. И друг поэтов. Об них и говорю. Читаю их. За пять месяцев — два раза. Кому читать? Поэты не нужны. Что из того, что бессмертны мы? На Западе — пойми! — загробный мир. И там жить можно. Скорее, доживать. Будь я один, как ты, возможно бы, не выжил. Но у меня есть ты, Кривулин, Куприянов. Наталья есть, но только она там. Есть Гена Гум, пристанище надежды, Шемякин есть, который не даёт. Пишу стихом. Я отворяю вежды. Пою с тобой. Молчание. Дуэт. Пойми, мой Шир! Ширяется. Ширинка. И широка страна моя. Не тут. Пойми, что эмиграция — ошибка. Маслины лишь в Израиле цветут. Горит рефлектор, даденый графией. Вода в графине замерзает. Ночь. В соборе Богоматери грифоны похожи на. Воспоминанья прочь. Я прячу их. В слова свои. В шкатулку. По щиколотку стоя — какое дерьмо почему оно везде пахнет одинаково почему солёный огурец ничем не отличается отроссийского диван халат эмилия готовит пищу пишу роман аврору не курю но австрию которая за десять вчера испил столичную графья весьма милы кириллы разумовский был гетьман позже сын его андрей уехал в австрию и там построил мост посередине вены здесь россия хотя течёт дунай нева москва течёт нью-йорк придется туда ехать поскольку здесь не кормят только мышь поэты не нужны ни в австрии ни в вене на лене не нужны солёный огурец столичная никита на колени сминовская абсент хемингуэй мадам тиссо склоняется над тиссой не вырос тисс я тискаю жену роман не издан но уже написан я вглядываюсь глупо в глубину жены за неимением наталии которой муж теперь универсам я сам с усам сусанин мял сусанну о если б он поэмы не писал элита экстерьер спермопродукты охапкина сношался ширали в трамвае венском водится кондуктор и "муди мои вошью зацвели" здесь нет борделей тихий синевлядик цветок россия здесь он не растёт япония тургеневым балдеет гюго писал за ним писал ростан обоих издают но в континенте володя марамзин меня там нет он член ревизионной комиссии как я тоскую по российскому минету здесь его не умеют это не модно это не секс секс дают по телевидению для детей старших классов способы в основном один во всех кинофильмах поза сверху сзади не дают в россия разнообразней россия страна почвенная поэтому рожь не растёт покупают в канаде продают газ тоннами мегатоннами так и живём вы нам газ мы вам глаз одноглазый запад тупо тарашится ничего не видно китайская стена на сенатской площади юлия вознесенская родила у памятника петра радовалась милиция венская полиция глеб струве и никита оболонский в передаче по свободному телевидению свободная россия радиостанция свободная европа в париже не пускают нет документа советская виза розовая австрийский паспорт коричневый французский паспорт синий разницы никакой никуда не пускают так и сюку и буду сидеть никуда не ехать ехать некуда в америке язык английский в австрии немецкий в швейцарии два языка

многонациональная европа у всех свои заботы никому не нужен ширали кузьминский тоже не нужен так и живем то на западе то на востоке земля круглая где что непонятно границы нет между югом и севером безграничное пространство поэзия газ но ее не продают не покупают ждут пока пастернака ахматову еще лет через 50 ширали изучать не будут нет ширали не будет ширали ширали ширали ширали ширали один я знаю никому не нужно разумовским не нужно оболенским не нужно шаховским и шихматовым струве иваскам филипповым елисеевым булочникам гастрономам ничего не нужно колокольный звон протестанская церковь поэзия протеста головная боль ничего не нужно никому не нужно а ты пиши пиши напечатают издадут денюжку получишь молодая гвардия имка-пресс платят в долларах рублях и рупиях в новой гвинее своя валюта миклухи-маклаки на западе не котируется на доллары не меняют лиры пенго и форинты леи стотинки гроши это все не валюта ракушки деньги из перьев мельничные жернова медные китайские чохи иены из вены дукаты золотые и пиастры чего нет того нет новогвинейские миклухи тасманийские кенгуру так и платят двести восемьдесят пять кенгуру и тридцать утконосов в месяц вшиллингami и клопами за радиопередачи на верхне-немецком хохдойче саарском диалекте так и пишешь на чем попало все одно не печатают проблема акклиматизации ассимиляции пришельцев и аборигенов украинской колонии в конго манго и авокадо киви кокосы все это на австрийском рынке а рыбы нет ем зайца у графини разумовской фазана утку и тетерева австрийцы же едят кур и несут яйца это очень популярно цесарок нет дупелей и перепелов тоже вальдшнепов бекасов и дятлов не дают не водятся седло козули с диким чесноком тирольские шляпы шорты до колен юбки гораздо ниже у секты божьих детей есть мария полночь в которую я влюблен больше не в кого обезбавило в зоопарке дают бабуина разврат бабушки и дедушки в шортах и шуршунчиках поголовный онанизм сплошная сублимация фрейд и розанов свобода мнений больше ничего ничего ничего пустота стотинки так вот и живем.

2. Петру Чейгину

Петр, камень ты мой, но церкви на тебе не построишь, разве так, часовенку — Часова для . . . Всё больше люблю тебя. Пришло твое "Полнолуние" /первый вариант/, читаю, сладко на душе. Надо уже думать о прошлом, о пройденном — здесь ли, или где. Мало ценил я тебя. Ты — больше, а за что? Мало ценил я тебя. Ты — больше, а за что? Мало ругал, бить нужно было. Здесь вот — жалею. Читаю тебя — до чего хорошо! Что там Есенин — ты ведь в жизни есениным только, а так ведь — живи, не бойсь. Вот и я не боюсь за тебя, за поэта. Эллы Липпы и ихние липкие жоппы — поставь ей фонарь! Только вены не режь, потери, подожди. Ждать здесь подолгу приходится.

Тихо дыши листом смородиновым, "черемухой алжирского вина", пойми, жизнь не в жизнь, но останутся строчки. Мне ли это тебе говорить! А подборку я сделал плохую. Ты бы сам лучше смог. Кто же знал? Тихо, ласково мне.

В этой взрезанной Вене, где дунайская-тухлая кровь и крутые турецкие ядра — рядом ты со смородой, с черемухой — это не то, ностальгия — не больше, чем блеф, абы фабула, фистула горького горла, но не нем — не споешь.

Я люблю тебя, Петр. Кремень, камушек, искры сечешь — и сердчаю, горжусь,
жуть берет — только камень, круги . . .

Друг для друга — цветущая липа, в лапу — рубль, где-то дальше — Рамбов, ти-
хий рубленый дом, птицы в Сойкино шиплют цветы, кабаном, кабаном по ба-
зару без каторжных ядер, задремать на одре, где-то брошенный одер течет
граница над вислой повисла

повисит повисит свистнет отетень — потьма таймыр тут таймень мырнул глуби-
на голубика и поёт голубок не поет не накормлен в клетке клохчет кудахчет и
яйца несет

гордо австриец в тирольских трусах

яйца несет

несессер педикюр

педиатр ебет педераста

падекатр танцуют вдвоем

в пойме /пой мне!/ олень

линь линяет и видит луну

лань и лунь

декабристом спешить на мороз

поспешить насмешить пересмешник парижский кукуй

Петя мальчик куркуль куль твоих огорчений еленой грачевой грачит
прилетели торчат

иван-чай завари помяни . .

горькой веткой сирени яичко сырое испей

там париж нувориш рикша ришту тягает взасос

алексеев рисует свой нос

там шемякин тоска в монжероне жируют глисты

глейзер унд глейзерица на каждом четыре яйца

нет лица

марамзин там поет как синица

тщится море поджечь

но заморской свободой горя

жить нам до ноября

где и птица мишель не гнездится

спой мне песню петух

пробуди от запойного сна

в этих соснах весна

не ночует калмык не кочует

но почует поэт: как штанина европа тесна

и свобода

попрежнему пахнет печалью

3. Виктору Кривулину

Пью вино афоризмов. "Фортуна — женщина" /Маккиавели/. А здесь их нет, плюгавые австрийки, профессорши и профферши, ма'ам Поллюйко-Натов — на том стоим, на этих не стоит. Витюша, как же быть? Вино пью архаизмом, архаика, тоска, тоскливый архалук, не вышел арнаут, архара вьют арканом, арахна нить прядет длиной в один арпан

Перепутались архаики, вохры и аххры, авангард ракообразных — куда идешь? В "Русской мысли" — опечатка /на "Пять поэтов"/: Александр Пушнер, что же дальше, куда же еще? Мало тебе Ширали говорил? Про прокатный скелет акмеизма? Ух как душит он тут, с задержанием мочи на сто с лишним лет! Бабы, бабы, бутоны, бобы — "Я — бобовый король" а корове неужто бобо, когда бык — рогом прыг /Дима Прыгоф и Мариенгоф/.

Витя, не могу — обклали. акмеисты, который футурист — один Галецкий сплошь: музей, "XX век", а там — Эрлюша, а полуПригоф — ша! Кузьминский не стоит.

Плохо пишу, ненужно пишу, неумно пишу, но пойми: то же самое, тот же настрой — на струне, стручок, а из онаго — боб Где же истина, если не здесь? Коммунисты левеют, франкисты танцуют фанданго, танго с лысой фалангой — архаисты привычно вино архаизмом жуют

Жизнь коровья и вымя коровье

и сосут и сосут

не сосуды а — сутры с утра

невозможно жить невозможно думать: иваск филиппов глеб струве струя сутральяна ах ахматова, цвет мой — цветаева, цур!

игорь шур под шурдинку закусит сардинку /он лакомка, интеллигент, бля, недотыкомка, урком недолюбливает, бля, с кем еще говорить?/

некому не с кем — пусти постояльца — весь угол загадит

а, витя, люблю

обвиняют меня в русской мысли за отсутствие знаков а сами со чем их ядят? сколько штук на страницу?

Но нам Гософаст завещал

сумбурно — тамбуром в шлямбур, тамбурмажором в жидовский тамбов — кто там был кто в воронеже жоржином пел? мандельштам, не обманешь он рюрика с иваском в рот футу — в фут глубиной, на два фунта соленых дают. рыжик? жоржик? гузном на рожон — восемь жен, макс волошин есть кекс /а орешком волошским — фундук?/ заседают Дурак в академии платят с души Есть душа? нет души? Гоголь дюжинку нам опиши

Отпишет, отпишет, Гюго, душка твой, тезка твой — вой и весь сединою — Седых. Дух тут дох, но Бердяев упорно пердит, импредикут, предикат кат и катышек — Кушкин, ку — ку!

сумбурно пишу, невнятно, непонятно — что и зачем понимать? мать и Горького мать мать еще навыворот — блядь или тать На Таити — тю-тю — то ли курят кана-ки тютю то ли бетель жуют мыло для и веревок кокосовых для /петель? петел?/ пропел вспоминаю тебя питер катер невы парает зрею корнфельдом рисовым полем . . . /поллюция? сублимация? машка-мордашка? лудвиг ашкенази зрит борзая и зрею прыщом. в неимании баб /утекла ведь Полина в Нью-Йорк!

Бедный Иорик, твой череп смердит, как хорек /как хорей, коим чукчам олени
гонять — но пришел ледокол, и каяку — каяку: в магазине дают дырокол
витя, витя, ты прости меня, это бред или брод, я куда-то /наверно/ берды /сэр
Алим Кербабаяев не платит байрам в буюрак — раком Байроны ползают, рядом —
есть биир и Бейрут/ Корни /руты/ пускают побеги в слова. Слева — лев, в нем
растет голова. Ангел мой! Оттакрингер унд Швехатер биир — сколь обширян и
радостен мир. На миру смерть красна, для кого-то сосна, а осина — Сусанин
ведет.

Меня — уже! — светик мой, обвиняют, что я “вторю моде пятидесятилетней
давности”, “и пишу стихи без единого знака препинания /сколько их там по-
ложено на страницу, ты, корректор?/”, а “иногда повторяю азы модернизма де-
сятых годов”, слава Богу, хоть “талант поэта пробивается” . . . Витенька! Чьи
азы ты повторяешь? Боратынского? Тютчева? Или? А то и пораньше? Чьи “азы”,
еб твою мать, повторяют “акмеисты”? Мои, что ли? Крученыха, коего ни одна
сволочь не читала? Жизни нет. Протухшие графья диктуют моду. И по сю пору
футуризм здесь “бьяка”, согласно мнению свежепокойного Терапиано /еще
смердит, и все во “Русской мысли”/.

“Новый” год. Лежу, голый, в ногах — борзая /русская чистокровная псовая,
окраска — муруго-пегая/. Пришла графиня Р. /милейшее создание/, подарки в
клюве принесла, иду встречать который к фрау Вольф /издательства уж нет, но
есть библиотека/. Меня здесь ценят. В Париже ихних нет. И в “Русской мысли”.

“В бытность мою в Вене я был влюблен сразу в двух графинь Р.” Так начина-
ется глава романа /и соответствует действительности/. Познакомил Машеньку Р.
с живым монархистом /натурально, из Москвы/. Очень смеялась. Лежу и при-
нимаю подарки: то от Корделии, то от антропософфов, к католическому Рож-
деству, к Новому году, впереди еще старый, православное Рождество, еврей-
ская Пасха . . .

Жить здесь можно, Витя, но — одиноко. Пишу роман. Который не спасает. По-
скольку есть промежности и нет промежутков /наоборот/. Ах, Венский лес!
Шварцвальд и дамская капелла! То Скорцени хоронят, то Крайского избира-
ют — крайности промежности. Живем, но тужим. Ты сюда не едь. Живи пока
/?/ в России.

Люблю тебя. Поэтому пишу. Что было — того нет. А помнишь, Витя? . . . Рез-
люсь. Всегда резвун. Сейчас жаловался графине Р. что девушка Полина К. меня
не любит. А я ей, бляди, сто страничек написал /романа, разумею/. Лежу, диван,
халат, не ходят бабы. Но бабы ходят /под/ себя. Лев Квачевский /жена поехала
переезжать и помогать/, Наталья Гробо-невская /еще не видел, не дают/, вокруг
одни евреи. Ассимилируются со скоростью пука. Приехал — и уже сионист.
Штерны и прочие штервы. А вот Стерна — нема. Не моя здесь струя, потому и
пою, потому в Потомаке, мабуть. Игорь Шур есть шурунчик, люблю его, а он
меня — нет /ибо он не поэт/, я же — ближе /телесно/ к тебе. Было тесно вдвоем,
а теперь мы поем, только каждый на своем — языке.

Везут меня в Америку /этап, не увидишь!/, в Европе весь живешь без паспортов австрийцы не дают, французы не дают, швейцарцы — Боже!, на немцев тоже не скажи — еврей. Закрытых дверь, Ефим Григорьевич Эткинд — меня на своей лекции призрел Прозрел ли он? В Лион, в Гренобль, в Тулузу — повсюду ждут, но визы не дают на новый континент! в котором нет ни мини ни макси ни марам ни даниэль-синявских. Шемякин не спешит. Я тоже не спешу. Куда же нам спешить?

на площадь не ходи. еще не время. поистине молчат все голоса. которые здесь лавры жнут — на завтра увянут: на плечи не цветет Господняя роса

кошмар. молчание. глухая провинция, но кормят — на убой /пока не убиешься!/. в нью-йорке — джунгли, стонет бахчанян: на нем, на ровнере растут лимоны. жив волохонский. с ним хамелеон. жена его, скоринкина, пропала: здесь пропадают все. не ездят сюда. и людям не вели: а то поедут!

лежу, жена опять бежит за пивом: его здесь пьют, я не из их числа.

пиши, Витюша, дай Господь тебе крепленья! Люблю тебя, /хотя и чужд ты мне/ — тем крепче я люблю. Целую. Надо.

4. Олегу Охупкину

Ну, что ж, князь Трубецкой? На площади прохладно? А здесь чека дают за площадь /за поляны — нет/. Наташу горбаневскую встречали — фанфарами, подъятыми херами, возрос "Посев", заговорили "Грани", мычала "Мысль" — молчал один лишь я. Политика, тоска, — поллитра — лучше. Особенно, когда его дают. Здесь всё дают. Здесь всем дают — задаром. Затарились поэтами, молчат. Мычат Терапианы — терапия, молчит Иосиф, ося потеряв. Вращается на собственном /опустим/, поелику опущен оный есть. Молчит Коржавин, ржавчиной подернут, Максимов максимум стреляет дичь, а Марамзин с российского мороза желает Проффера в опричники запрять. Некрасов некрасив, Синявский — голубков пускает, Олег, едят они единый "Континент", в которого /формально/ не пускают щенят /борзых/ и прочий контингент. Шемякин начал чье-то "Возрождение", но Оболенский возразил ему. в ответ ему назрело возрождение, которое ни сердцу, ни уму. "Умучен бывши страстию презлою", и "вергнут будучи" в какую-то пасть, раскрыл я пасть — но зев передо мною, в котором неминуемо пропасть. Здесь пропасть. Я ее не понимаю. Метафизическая Оси пустота. Простота Дара. Оный поднимаю, но где-то в направлении хвоста. Олег, прости! Пишу не Трубецкому, но где-то я трублю в прогнивший рог. Есть Бог. И я, со всюю требуюю — ищу себя /промежду твоих ног/. Сусанну в лес увел Иван Сусаннин /что сделал он — писать не оберусь/. На обе руки — Русь, но сом с усами — я оборотнем лучше обернусь. Чтоб в зад глядеть, /а что еще осталось? усталость если? — было и ее./ Какая-то поганая усатость твоё-мое сокрыла бытие. Теперь я понимаю: М. Шемякин /читай "Ивана111" — уволь!/ какую-то поганую шумиху — от глейзера услышавши, увял. Теперь я понимаю: эмигранты: /нужны гаранты, у меня их нет/, на россиянах ценятся караты, профессорши нам делают минет /спроси у Белкина, у Палкина, у эго/ — его здесь нет /австрийки не умеют/ — имеют в зад и в рот /наоборот/ — от этого здесь женщины не имеют, и протестанством запрещен аборт. Меня волнуют г/разные проблемы: гризетки дороги, доро-

ги хороши, меня волнуют разные пробелы — прости, мой князь, пишу не от души. Прости, мой князь, пишу не Трубецкому на коновязь холопа привяжи — зачем поет, в России трепыхаясь? Над оным вырастают этажи. Прости, Олег, я лягу, ты растаешь, ристаешь ты — я рыцарем ишу. Покуда в Диме кости сосчитаешь — тебя я за собою не тащу. Не тешу плешь — тебя перед собою поставлю я — но ужли устоишь? Махнемся, друг мой, девушка судьбою: я — в Петербург, ты на аборт в Париж /в Париже его делают бесплатно, поскольку дамы там перевелись/ Олег, пойми, я за тебя — расплата, а ты, борец, по-прежнему борись. Ты не боись, Кастор, Поллукс, полушка — подушка сохнет, сосны расцветут, я — там, ты — тут, в кострах горит полешко, усы же у кастратов не растут. Пой, пой, мой тенором /хотя и басом/ — я кенарем желаю жизнь пропеть! Перди, мой друг, струною, контрабасом — во мне звучит немолкнувшая медь.

Прости, Олег! Я лягу — ты не встанешь, не выстоишь, не выступишь — ступи! Я в ступе пест, я вас толку перстами — мой мак, мой друг — по-прежнему, терпи. Люблю тебя, мой друг, гормонный гений, я все гормоны на тебя извел. Мы сведены судьбою поколений. Теперь ты бык. Прости меня, я — вол.

5. Сергею Стратановскому.

Тихий, тихий Стратон — стратегичность твоя, страхотища — рыщут хищные волки и мальчика скушать хотят. Волчек возрос, над ним взросло молчанье, мычание под ним, тернии, шипы, иглы белой акации — кроткий цвет эмиграции, грани груни грудастой — подумай, задавят зады. Робко: Родина, родинка тонкого тела — на груди, на боку — переполнен быками Париж. Съест теленочка чиж, рыжик в миске соленой, груздок, за груздок, за пупок, грыжу /крыж осьмигранный/ а в гранях — тоска и стакан.

За ставнями зареченской заставы, там, за рекой, в тени деревьев, тут, набрали гранки грязными перстами, из коих колокольчики растут. А как же мальчик, тихий колокольчик, укольчатый пятиугольный кайф — берет пинцет военврача за кончик: занозу вынуть, обеспечить лайф. В Вене — вены, ты на Лене, я на Оле — о-ла-ла! Пылл на ладожском тюлене без ветрил и без руля. Тихий мальчик колокольчик, затонувший хер меж шхер, в сферах светлых и спокойных Бог стоит — милиционер. Число есть Апокалипсиса — кися, пушистый звер, в ночи который сер. Мадам, аминазин сначала кислый, потом от онаго не встанет хер. Очнись, мыслитель, учись, мыслитель: внизу числитель, в носу чесатель — читай, читатель, копти, чадатель: на знаменатель клади числитель тремя перстами /ах, Никон, Никон!/ сжимай простату герой Аника а грех Онанов простится веку поскольку надо се человеку. Граненый, в гранях, в прыщах и язвах, зветет геранью, дубом и вязом, могучим кленом над тихой рощей головку клонит и что-то ропщет. Стоит вопросом у Геродота, им затыкает Матросов доты. В матрас проплавав, на член ипритом: идет прополка иных и прочих. В анкете — прочерк, что в лоб, что по лбу: берут на пробу мочу и почерк.

Черкани мне пару строчек, мой друг, черемис, кинжал иточит черкес тьма как в Потье, и полярный тут круг, но надбавки — обойдемся и без. Не надбавит на двоих прокурор /прокуратор Иудеи, ты тут?/ и затяжка на троих — перекур, нынче больше пятака не дают. Не поют в твоих лесах соловьи, я веревочку совью /для себя/ — много в гнездышке полярной совы голошеих босоногих ребят. Но берет меня одышка — и ша! Я не перышком тебе напишу: в заполя-

рыи обитает душа я которую по свету ишу Встану до свету, мой светик, мой сын, по иголкам, по снежку, до седин добреду я до высокой сосны, где наколотый Никола сидит. Топором не руби — не баран, погадаю я тебе по руке: нынче бардов загоняют в барак, лучше в Вене посидеть в бардаке, лучше вены по-лоснуть в Новый год, — там тюрьма и тут, товарищ, тюрьма, а в Париже издаст тебя, гад, — на готовые приходит корма. За кормою — пузыри, пузыри, впереди опять рокошет прибой, если нужно — ты меня позови, потому что я остался с тобой. А в Париже — все чижи, да чижи, все чирикают, да с веточки срут. Если б знал ты, сколько в мире чужих, то, наверное, остался бы тут. Я пишу тебе: ты слышишь меня, если дышишь — отзовись, отзовись! Не для нас в Нью-Йорке светит маяк, от свободы ты меня отзови!

Запоют в твоих садах соловьи /или совы — на один голосок/, а в Париже говорят — се ля ви, разделяет нас один волосок. Не отымет вертухай поясок, можно ложной по руке полоснуть, можно пулю заработать в висок, и на Родине спокойно заснуть.

КИТОВРАС

Полина, у меня не пишется, не пашется, масло пахтать, похохатывать — то ли похоть — возшла, а посеяно семя, через ситечко, в дырочку в ударницы выйдешь, дурочка, а все через семя, в яблочке оно водится, вместе с жучком, с червоточинкой — точит и точит червяк, жук-точильщик, и катит свой кат, скарабей — по Египту, а глиняный шарик — на Грецию, катит культуру, которая давит и жмет. Жмет Византия на ольговых витязей — в жменю — семя, зерно — а посевы твои не взойдут: не там сеешь, не то сеешь — глад и мор, помрачение ока (от мрака), сраки лесная Державину оду спокот.

Спи мое дитятко, семя и время созреют, пойдешь, Мамлакрат, спелые груши срывать. Спи мое солнышко, уточкой в ночь закатилась Европа, слезиши (Европа) с быка — боком на запад пошла. Пошалили — и будя, бычка ожидает Чикаго, в бочке сопить, почки сырыя яды. Ядвига, будя, князей от литовских — Брест и Подол, и подол зажимая в горсти. Будя, моя Евфросинья, Евпраксия, кожаны трубы взыграли, кокон на око мотай, бисером в вассер мечи.

Встали мечи, задрожали щиты амазонок — тшкетно площицу утолщенным ногтем поддеть. Тшкетно, Полина, толченым стеклом заедаю — завидно, девочка, завидно, милая, очи омочит роса.

Встают паруса, загорелась (зарекую) столица, чу! — вакханка в Каховке встречает рассвет. Чу! — то чудь белоглазая с ильменя глазиком смотрит, глазом татарским косит астраханский лиман.

Выжми лимон, пучеглазка, пугливая, к ночи — встанет, молчит, лиловатое темя тая.

Конский топот, конец, наконечник стрелы входит в стремя, кочень кочет, колчан — кобылицы в ночи, кобылицы в ночи, конский топ, пот и потс, поцелуй на прощанье, вакханка, там дехканка стоит с кетменем, утоми, отменили декрет.

Там вакханка российская вяло полощет лоханку, отмени, сок лимона, австрийский тугой поясок. Шляпы поярковой тулья на ухаре, едущем в Тулу, воз самоваров везет, темя цветет среди роз.

Купчиха мол, семипудовая, в тело вселилась душа, веселилась, все лилось и
лилось — то ли лилии рвать, то ли *Rosa canina* сажать?
Розовеет заря (розоперстая Эос) — эвоя! — воет брянский, тобольский (вор-
кующий голубем) волк. Волк — и лов на блесну, на радарное эхо — потеха
Мехом волчьим обшит москворецкой купчихи подол.

Задери подол, загляни в подпол, засунь предплечье в подпечье — рогачем в чре-
во, села дева на древо, на плакучую иву, стоящую криво возле той речки, где
блеют овечки, возле той речки, что течет в Туле, что течет втуне, что течет в
поле, что течет в холе... Я стою в холле, меланхолия, ипохондрия — иноходь
жеребца (холостил коновала), головою кивал, влажным оком кобылы косил.

Мерин и пэри, прекрасная Мэри — перья встают, воспоют, умирая, чижи. Мэри
пэри моя, мадрепоров, кораллов и розовых устриц — замолчали уста лейб-гуса-
ра, певца "Жемчугов", замолчали уста Величанских — ржаны
блельные, рев — хор униженных и — оскопленных, скопом, с капищ и капищ
обрезанный стонет каплан.

Лопнул клапан, аорта, алешина вылезла морда, мерин стонет над Мэри, на
миром заря не стоит.

Ночь. Ничком. И зачать в одиночку ребенка — ребра дышат и пальцами пишу-
стихи. Бобр мой, брат мой, осиновый кол (год стоит високосный!), висну-
косы и росы тебя окропят. Год до пят, и от двух до пяти (по указу) — то Чу-
ковский Корней не пускает, не пустит — уволь. Год стоит високосный, раскос-
глаза и газоны, в зоне глечик, плечиком двинуть — уволь!

На стерне пасся мерин, копытом некованным — стерпит. Стрепет ходит кругам
и трепетом полнится степь. Год в степи, воду в ступе толкут молочаи, молока
могикан молчаливое племя бредет.

Бреднем воду носить — забредем за крутые (поросшие вереском) пашни
Бернсу вторит Маршак, маршем конница мчит на Коканд.

Если нету конца — если конники ищут покоя (мертвый полк александровских
черных гусар). Спесь текинская так далека, Платов в Индию ищет пути. Тет-
вою калмыцкого лука простонет Элиста — я читаю с листа конский топот и то-
кий бунчук.

Поле — только табун пролетит — ковыля, ковыля, пан Рогойский проскачет
на черном коне, сивый ус (нос и ус), на сливянку, щекочет славянку, месте
ковая пани стыдливо распустит косу.

На балах, в бобылях — на бобах (или лучше — на бабах), бок слинял, клочок то-
чит из широких штанин — (пани, пропит кунтуш!) — но штандарты все рею-
рты (отверстые) имя прекрасной орут.

Топ и пот, и полынью пропахшее поле, тихо мерин губами срывает траву.
живую наяву, а Наяке, наезжая в Нью Хэвен, там Полина живет, в каждом горо-
лудии живут.

Я живу, я пишу, тихо степь ковылями колышет, по полям Аризоны бежит хол-
щенный Пегас.

Погас в Нью Хэвене маяк, плывут степные корабли и скачет, скачет кентав-
полу-верблюд, полу-конь, по имени Джон Апдайк.

“Язык так скоро не изменяется”, — сказал профессор Дик Сильвестр и заговорил языком капитана Сильвера. О Сильва, эт Сильва, я нейна роза ме / я нейне роза катейра, пультвейт сетсиль наме/ — о Шах-Наме, распевае бюль-бюль бахши, бачка! секим голова ятаганом . . . Тонкий ягель Брудастых оленей Ягелло кормил, за кормилом стропа тополь стропаль Садко за кудыкину гору отряд берсекеровет ведеет вендетт и насилий ради

И Иродиада к царю Ироду рылом ноздрей синеватой прильнула невырванной а Ананий все занят грехом с грехом пополам рукосуй Суй суровую нитку в сырую ноздрю дромадера Сергень-багатур тур буйливый князь Всеволод все володеет Валдаем — поп и Пушкин балда предлагает форелей солить И потом пармезаном присыпав потливые деты паха Пахнуть розой гюль-гюль и папахой промежность прикрыв провизжать на ноже желтой рожей китайской и лебедью белой Мариной Басмановой: “Дима!” Колокольчик динь-динь утверждает издатель Некрасов — некрасив его нос сон Насонова надсона боль

Ольга выжгла древлан, появился Выжигин Иван и за здоровье Мэри Стюарт узконосый пиита пьет джин О лги мне полярный день на ошметках сетей узких шитиков мир вам мирза Аль-Рахман ибн Лукум кум Матвей поправляет подтяжку Это Гоголю тяжело дышать в лубенистом гробу

Ах убог мой язык я не знаю другого завещание Кучкина я берегу Это Тер-Покасян показался в Эль-Пасо проездом Подразнил показал аллигатору дал отсосать Вот и все что могу и мычу на берегу Миссиссипи писи тети Анюси сисель сословатых сосков Каковые дрожат ржа и лепра сосуд Магдалин разьедает едет полем дьячок по уставу копыта стучат

Ну а ты посучи синеватыми ножками дядя на усах вырастает стручок чок и левый бокфлинт у Аксакова справно торчат

Чадо выросло в ночь на вторую в которой зачато В акмеистском чаду ей в саду показали дуду В зад засунули уд удовольствия для — Породила, сырая! Рай и блуд, слово “ай” и сырая айва Ай-акмэ, мусульманская древняя львица Ай-буй-ай и татарское семя Ох мать! На матером колчане шатер свой раскинула Ноги продолжая бежать утомленно дрожат на мече Мечет стрелы журнал Аполлон в лысоватое темя Ревматизма французского зреют на вые цветы Ах, акмэ мекум что-то в портках /опускаю/ Опускаю глаза вижу ложе — жолы!

Ай, люли, априкот окотился Екатериной — что ни выну, вино Эвенкийская пальма в руках Тетя, тальму наден, пообедаем мы у Тальони — в летний день, в жопу вставив серсо, закатились в Донон

Давай, дыню, рэжкэ, — обратился Гамзатов к Орлову — тот сидел горделиво орлом в ЦДЛ, поедая мацу. Цыцки всех поэтесс, вяловатые бледные нити Пити-мити плати за столичный столовский обед Бюст красавицы Б. Ахмадулиной — спелая дуля Вялый фиговый лист между сдвинутых ног засыхал

И какой-то нахал опахалом махал Лело, лело! Млело тело Барашек младой в груди пепла был пеплосом скрыт Скрып телег — то Атилла Волна накатила Оставляя венерины брызги на белых лобках Ах как пах этот пах — резедою редисом анисовой водкой Закусить закусать за губу золотистым зубком уципнуть

Щу! Шукшин Соллоухина тискает в сени заправив Задирает ему сарафан и народные песни поет Разгулялась Рязань на заре там зарезали мальчика В зад засунув два пальца расстроенный цензор рыдал Задушили Рубцова Панкратову морду набили — Пантократор, ликуй куй в железо пока горячо

На пле —чо! И ряды свои членские вдвоя Мерным шагом идут Миша Дудкин им дует в дуду Расплодились жида Их немые тохесы пахнут розой аиром белым лавандой водой дой коров моя юная Мориц Макс и Мориц унылое вымя сосут Сосуд греха отрыжка древа древесный ствол упал на стол На блюде том лежала дева И тамаринд у ей расцвел

Тамара, — восклицает Мара У нас еще остался ром И белым садом белым задом был окружен тенистый дом В дому котилась мышь Шуршали ресницы милых поэтесс Потом явился мент в фуражке и продовольствие унес Усы товарища Буденный качал Аркадий Бубенцов Жара стояла в час полденный Товарищ захотел бабцов

И на вилку наколов грибочек От отбитых почек двух Галин Тихим люэсом расцвел цветочек Ирис, ирис лилия долин На Тверском бульваре тихий Пушкин зеленеет в мраморном гробу и Марина плачет на опушке в приснопамятном елабужском году

Но на дудках все поют цветаеведы осебореанины скопцы за концы их держат коневоды за уздечки потсы под уздцы

ИЗ ПОЭМЫ "ТОМЬ"

"Омичи и томици -
точат чёрные мечи.
За обиду будет бит
главный вольник их обид!

... И хохочет чёрным ртом -
Томь."

Там, где Томь в затоне тонет,
где кошмою - камыши,
только -
тонкий лебедь стонет,
только - нету ни души.

Над рекою - частокол,
древней двери косяки.
А в воде -
за частичком
ходят нельмы косяки.

За стеной - не мёд ведь:
матицы
брус
никнет!
Ходит медленно медведь
по сухой бруснике.

Еле-еле
дремлют ели.
Рядом снег -
сник.
А в избушке
по неделе
спит лесник.

Рядом -
белые поляны,
там, где лес - лыс.
За глубокими полями -
чуёт лось
рысь.

Пробираясь по чащобе -
куст таит
хруст.
Сердце бьётся учащённо,
словно грусть - груздь.

Рви на мне блузку,
мни мои груди,
милый!

Ах, стога, стога -
словно груди, дрожат!
На стогах - стонать,
под стогом -
рожать.

Журавли меня пролётом
назовут по имени.
Отзвенело бабье лето -
сединою инея...

.....

Баушка, а баушка,
расскажи!
Баюшки-баюшки,
не дрожи!

За окошком -
ветер воеет,
поле - ёжится в снегу,
за деревней - ходят волки
и добычу стерегут.

На бегу -
в бровь!
На снегу -
кровь!

И метель с метёлочкой
квочет, словно клушка.
Четверо -
над тёлочкой.
Вой.
Глушь.

.....

Ручейки -
оравой -
дразнятся:
Поймай!
Это -
по оврагам

Сверху - небо,
снизу - небо,
а с боков - снег.
Вьюга вьётся,
поле - немо,
ветер рвёт
смех.

На току
снег толкут
глухари глухо,
а вокруг -
бестолку
ветер рвёт
ухо.

Зима. Синяя.
Зима. Белая.
С инеем
деревья
укрывают белок.

Охотник - ник.
Ствол - за ствол.
Мимо них
прошёл волк.

Рысью, рысью,
лошадь!
Серой рысью
воет леший.

Лес...

.....

Ты не май меня!
Запах трав - густ!
Ты поймай меня,
поймай меня,
август!

Доченьку я выношу,
красавицей сделаю.
Ах, смутят вьюношу -
груди её
спелые!

Ты присунься близко,
навались глыбой!

пробегают
май!

Пой, май!

Зеленеет пойма,
зеленеет лес.
Веселящим пойлом -
синева небес!

Синяя, синяя,
сильная весна!
Сына я, сына я
солнцу принесла!

Солнышко,
сонное,
добрые глаза.
Сотнями, сотнями -
птичьи голоса!

Весело, молодо,
ни золы ни пепла!
Солнце -
молотом -
в наковальню неба -

Бей!
Чтобы стало голубей!
Бей!
Чтобы -
стали голубей!
Бей!
Бей!
Бей!

Солнце скачет весело -
высоко-высоко!
Лезет птичье месиво
ворковать в осоку.

И совсем без роздыха
/только берега там!/ -
скачут рыбы в воздухе
к бурным перекатам!

Течёт половодьем Томь,
связана страшным обетом.
И можно мечтать - о том
или - об этом...

И снова -

сердце томит
весной,
весной на Томи...

20 ч. 40 м. -
23 ч. 15 м.
20 января 1962
село Родионово.

ТУМАН

И.Х.

Очень серый
 в городе туман.
Облепляет голову
 туман.
Одинок и холоден
 туман.
Серый
 в сером городе
 туман.
Обними её крепче,
 туман.
Загляни ей в глаза,
 туман.
Упади ей на плечи,
 туман.
Обними,
 как меня обнимал.
...Не забыть Её плеч,
 туман,
не забыть Её плач —
 обман.
Замерзают в тумане
 дома.
То обманет,
 то манит
 туман.
Тишина
 и белёсая тьма.
Ни тебя...
 Ни меня.
Туман...

о маме: Извинись я Ка Ка-Ка
рыч: ведаешь Г-да

не о том ли который нижнего... од
пробывает в халате

не о том ли который ругается матом
на присутствие женщин не обращая внимания
на присутствие женщин но не детей

не о том ли который уходит в запой
как уходят в разведку на месяц

не о том ли который "против"

потому что вокруг него все знакомые и незнакомые

не о том ли который

потому что вокруг него все знакомые и незнакомые "против"

не о том ли который никогда не торопится

но только всегда в глаза слово может и сказать свое кол

он может стать

если не хватит скажет

о себе самому себе

слышишь такое/

не о том ли который поможет незнакомому с улицы

человеку поможет если тот оказался в беде

не о том ли который поэт и который организатор

аналогии 9/август/ внушительный человек

не о том ли который вместе с делами

вместе с делами одну работу некая незнакомая

потому что все это должно быть только так

как бывает в жизни

не о том ли который с вами

покажет вам дорогу

о маме: Извинись я Ка Ка-Ка

рыч: ведаешь Г-да

не о том ли который

очень даже мне знать